

Государственная Академия Истории Матеральной Культуры

9026 63.4
E-144 2222.

В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ

**АНТИЧНЫЕ
КЕРАМИЧЕСКИЕ ОБЖИГАТЕЛЬНЫЕ
ПЕЧИ**

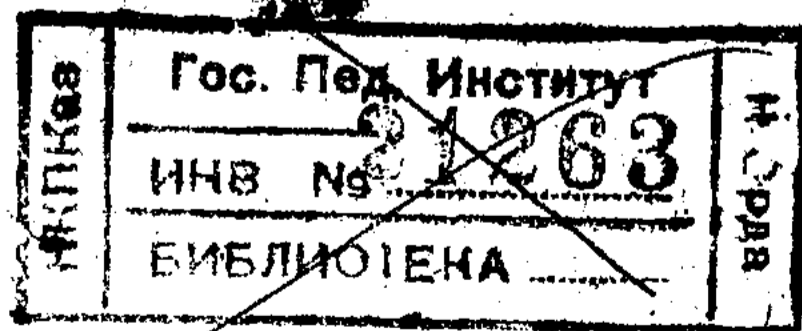
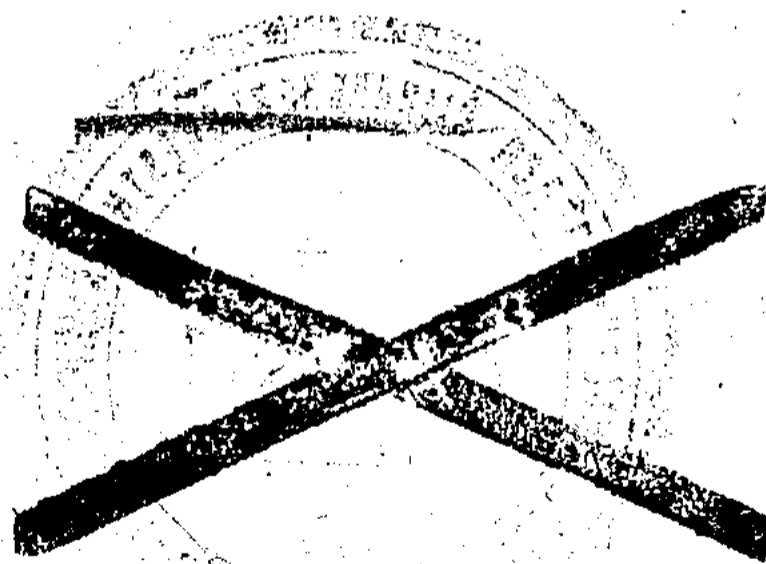
**ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва — Ленинград
1934**

ИЗВЕСТИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
Выпуск 80

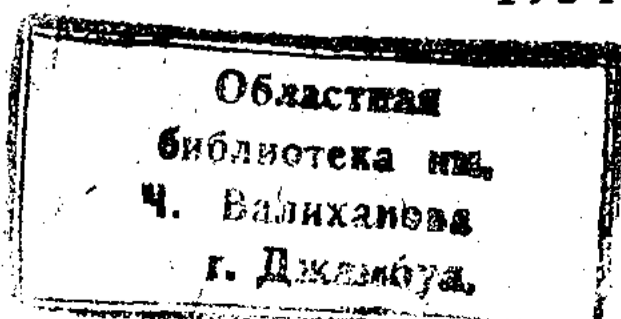
В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ

**АНТИЧНЫЕ
КЕРАМИЧЕСКИЕ ОБЖИГАТЕЛЬНЫЕ
ПЕЧИ**

по раскопкам
в Керчи и Фанагории
в 1929—1931 гг.

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1934

294036

Ответственный редактор Ф. В. Кипарисов. Технич. редактор Г. Г. Гильо. Книга сдана в набор 25/х 1933 г. Подписана к печати 13/VI 1934 г. ГАИМК № 20. Тираж 1 тыс. Ленгорлит № 16743 Зак. № 477. Формат бумаги 62×94 см. 7¹/₄ печ. л. (5,5 авт. лист.) Бум. л. 3⁵/₈. 21 тип. ОГИЗ РСФСР треста „Полиграфкнига“ имени Ивана Федорова. Лнгр., Звенигородская, 11.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Археологические раскопочные изыскания, проводившиеся в течение последних лет на территории греческих античных поселений северного Причерноморья, дали ряд ценных открытий в области изучения их материального производства. Мы имеем в виду открытие ряда памятников античной промышленной техники в Ольвии и в поселениях Боспора. В особенности интересны остатки техники боспорской керамической индустрии, представленные в своей существенной части двумя большими обжигательными печами поздне-римского времени, из коих одна обнаружена в Керчи в пределах городища Пантикапея — столицы Боспорского царства, другая на территории Фанагории (на Таманском полуострове), являвшейся, как известно, вторым крупнейшим центром Боспора.

Предлагаемая ниже работа посвящена исследованию этих печей и других сопутствовавших им орудий производства, вскрытых раскопками, в осуществлении которых автор принимал ближайшее непосредственно-личное участие. Керченская печь была обнаружена и исследована в 1929 году, лишь небольшие дополнительные исследования потребовалось еще сделать в 1930 г. Все эти раскопочные работы были полностью произведены Керченским археологическим музеем. В 1930 г. была найдена печь в Фанагории. Однако, по ряду обстоятельств тогда не удалось исследовать обнаруженную печь полностью до конца. Поэтому в 1931 г. было произведено довольно значительное по объему работ исследование.

Таково происхождение тех фактических материалов, которые явились основанием для данной работы. Принимая во внимание, что предварительных отчетных сведений о вышепоименованных раскопках печей опубликовано не было, мы даем исследование этих памятников в связи с основными данными об их раскопках, поскольку это необходимо для полной характеристики издаваемых объектов.

Кроме того, так как настоящая работа является по существу первым исследованием античных орудий керамической техники северного Причерноморья, мы сочли уместным дать вводный краткий обзор открытий остатков техники данной области производства, сделанных в период до-революционных археологических исследований на местах античных причерноморских поселений. Этот обзор имеет не только значение подытоживающего экскурса, но, что не менее важно, он дает возможность наглядно показать на конкретных примерах, насколько буржуазной античной археологии, бывшей в условиях царской России к тому же еще особенно сильно связанной с элементами феодально-дворянской реакционной идеологии, насколько ей был органически чужд научно-исследовательский интерес к истории материального производства, к вопросам истории техники, истории развития орудий труда („производительных органов общественного человека“). Господство в археологии формально-эстетического вещеведения предопределяло не только грубо поверхностное, несерьезное отношение к обнаруживавшимся иногда в процессе раскопок памятникам техники, но подчас просто обрекало их на гибель без всякого изучения, как непредставляющим с указанной точки зрения никакого научного значения остаткам прошлого.

Считаем, наконец, нужным подчеркнуть, что в настоящей работе автор не преследовал широкой задачи охвата всего комплекса вопросов техники местной керамической промышленности античных поселений северного Причерноморья, даже хотя бы в рамках только Боспора. Нашей задачей являлось историко-технологическое исследование тех орудий керамической техники Боспора, которые добыты археологическими раскопками в последние годы. Мы стремились, однако, проводить их изучение в увязке с античной техникой в ее проявлениях и вне пределов Боспора и даже вне Причерноморья, поскольку в других районах и центрах античного мира обнаруживается применение сходных технологических приемов и аналогичных орудий труда. Привлечение последних в качестве сравнительного материала дает возможность выявить некоторые общие характерные черты, присущие античной технике керамической индустрии.

Наше исследование в своем основном содержании было проработано в Секторе рабовладельческой формации Гос. Академии Истории материальной культуры, соответствующие доклады на заседаниях которого были сделаны автором 18-го июня 1931 г. и 25-го мая 1932 г.

В заключение пользуемся случаем, чтобы выразить свою глубочайшую благодарность директору Керченского археологического музея Ю. Ю. Марти за то исключительное внимание и большую помощь, которые нам были оказаны на всем протяжении настоящей работы.

Просим также О. Ф. Вальдгауера принять нашу искреннюю признательность за содействие работе.

Экономическая роль греческих поселений северного Причерноморья в общей системе античного рабовладельческого хозяйства заключалась, как известно, в торгово-меновых функциях, определявшихся деятельностью античного торгового капитала и выражавшихся, с одной стороны, в форме экспортных операций, связанных с вывозом сельскохозяйственной сырьевой туземной продукции и рабов, а, с другой стороны, в импорте рассчитанных в основном на туземный рынок изделий обрабатывающей промышленности „метрополии“, понимаемой как совокупность тех городов Греции и Малой Азии, в которых, как отмечал Маркс, „развитие торговли сопровождалось высоким развитием промышленности“.¹

Торговые функции колониальных греческих поселений, схематически сформулированные выше, мы не должны, конечно, представлять так, как это принято изображать в работах буржуазных исследователей, т. е. как своего рода идиллическую торговую связь греческих коммерсантов с „варварами“, осуществляющуюся через посредство колоний в порядке своеобразного обоюдо-выгодного экономического сотрудничества, в котором колонизаторы выступают чуть ли не больше просветителями-цивилизаторами, чем коммерсантами и эксплуататорами.

При таком освещении взаимоотношений античного торгового капитала с туземными народами затушевывается столь рельефно подчеркнутая Марксом хищнически-эксплуаторская роль торгового капитала, когда в условиях до-капиталистических социально-экономических формаций последний „занимал монопольное положение в сфере обращения“. Под этим углом зрения нельзя не видеть, что античный торговый капитал через посредство колоний — в том числе и на северном побережье Черного моря — эксплуатируя освоенные им области, выполнял не только „куль-

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, ч. I, ГИЗ, 1930, стр. 256.

туртрегерскую миссию“, но и разлагающе воздействовал на формы социальной организации туземных народов, стимулировал, интенсифицировал процесс их классовой дифференциации с прогрессивным усилением тем самым эксплуататорского угнетения широких масс коренного населения, застигнутого началом экспансии торгового капитала еще на стадии родового строя.

В плане темы данного исследования, необходимо наряду с вышеохарактеризованной общей установкой подчеркнуть то положение, что экономическое значение греческих колоний северной части Понта нельзя сводить к роли торговых баз, снабжение которых промышленной продукцией происходило исключительно путем ввоза товаров метрополии. Один из существеннейших выводов, вытекающий из изучения вещественных материалов, добываемых путем раскопок на территории указанных поселений, заключается в признании наличия в них (правда, в масштабах еще далеко недостаточно выясненных) собственной промышленности, собственных местных индустриальных производств. Непосредственный контакт колоний с туземным рынком создавал, надо полагать, особенно благоприятные предпосылки для развития местной ремесленной индустрии.

Дело в том, что даже потребительский спрос на ремесленно-промышленную продукцию со стороны городского населения колоний едва ли мог удовлетворяться одним импортом, регулярность которого была в зависимости от многих привходящих обстоятельств. Поэтому можно было бы а priori утверждать, что на местах должны были изготавливаться во всяком случае многие предметы повседневного быта, к каковым принадлежали, конечно, едва ли не в первую очередь изделия керамической промышленности. „Текстильное, металлургическое и гончарное производство составляли три важнейшие отрасли греческой промышленности“, замечает А. И. Тюменев.¹ И хотя керамическая продукция представляла все-таки одну из важнейших категорий товаров, импортировавшихся из метрополии, совершенно, однако, очевидно, что для торгового капитала представлялся более заманчивым в смысле прибыльности, выгоды — ввоз преимущественно высокосортных изделий, являвшихся чаще предметами роскоши, чем простых изделий массового характера, которые могли без особенных затруднений, при наличии даже простых гончарных глин, изготавливаться на месте и тем самым с успехом конкурировать с аналогичным привозным товаром. Изучение добываемой путем археологических раскопок на территории античных поселений северного Причерноморья керамики, представляющей количественно наиболее обширный материал

¹ А. И. Тюменев, Очерки экономической и социальной истории древней Греции. т. I, 1924, стр. 87. Ср. К. Бюхер, Очерки экономической истории Греции, 1924, стр. 101—102. Указывая на чрезвычайно широкое применение керамических изделий у греков, К. Бюхер даже считал, что в отношении античности „можно было бы с известным правом говорить о глиняном веке“.

в разряде вещественных исторических источников, делает возможным, наряду с выявлением импортной продукции, относить те или иные виды и группы изделий с большей или меньшей степенью уверенности к местному производству. Само собой разумеется, что непосредственное открытие материальных останков производств с их техническим оборудованием, образцами продукции, хотя бы в виде отходов производства и т. д., дает наиболее яркий и надежный материал для исследования местной индустрии как в отношении изучения техники, так и в смысле выявления масштабов отдельных предприятий, а также их рынков сбыта, причем решение последнего вопроса возможно путем прослеживания районов распространения продукции.

Огромное значение указанных открытий совершенно очевидно, если, разумеется, вскрытые остатки соответствующего производства подвергаются в процессе раскопок тщательному изучению с исчерпывающим учетом всех фактических данных.

Поскольку на территории хоть некоторых причерноморских греческих колониальных поселений в до-революционное время так или иначе велись археологические раскопки, они неминуемо иногда приводили к открытию подчас весьма ценных остатков местной керамической промышленности. Известно, что в Херсонесе в процессе раскопок городища были обнаружены остатки нескольких античных керамических мастерских. Но каково, спрашивается, было в прошлом отношение к этим вещественно-документальным данным со стороны представителей науки? И тут приходится прямо сказать, что, если исследователями античных причерноморских колоний проявлялся иногда некоторый „историко-культурный“ интерес к местным керамическим изделиям, в меру того, насколько эти местные произведения носили на себе отпечаток „эллинского гения“ (все внешне неэффектное, „варварское“ не встречало никакого внимания), то зато уж абсолютно отсутствовал мало-мальски серьезный интерес к этим местным производствам со стороны их техники, орудий труда.

В этом не приходится винить тех или иных отдельных археологов. Такое отношение к определенной категории вещественных документов истории не было явлением случайным, оно с необходимой закономерностью вытекало из соответствующих методологических установок, определявшихся господством в социально-исторических науках классово-обусловленного буржуазно-идеалистического мировоззрения, не признающего движущей силой исторического процесса развитие материальных производительных сил, одним из основных элементов которых является техника, система орудий труда, понимаемых, конечно, в диалектической неразрывной связи с соответствующими общественными производственными отношениями. Именно непониманием того, что „такую же важность, какую строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки

средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций“ (Маркс), было в основном обусловлено отношением буржуазной археологии (мы имеем в виду конкретно ту часть археологии, которая занималась изучением античности) к реальным остаткам древней техники, как к чему-то, в лучшем случае, второстепенному.

В связи с нашей темой можно с полным правом утверждать, что почти все открытия на территории античных поселений северного Причерноморья остатков керамического производства, в числе которых были и технические орудия, средства труда, представляют собою серию примеров исключительно поверхностного и даже преступно-небрежного отношения к этому важнейшему виду вещественных остатков прошлых эпох. В правильности такого вывода будет легко убедиться, если мы сделаем хотя бы беглый суммарный обзор этих открытий, связанных с археологическими раскопками, производившимися на юге СССР в до-революционное время.

Начнем с Херсонеса, где раскопки велись в течение длинного ряда лет с охватом значительной территории древнего города.

Производившиеся в 1888 г. раскопки северо-восточной части херсонесского городища привели к открытию вблизи так называемой Восточной базилики эллинистической мастерской по изготовлению художественных керамических изделий.¹ Мастерская была расположена в двух отделениях жилого помещения, окруженного, как указано в отчете, оштукатуренными стенами. На полу одной из этих комнат оказался целый склад глиняных форм (38 целых и много в обломках), применявшихся в производстве терракот, сосудов с рельефными украшениями и декоративных барельефов. В смежной (задней) комнате находилась отлично сохранившаяся обжигательная печь. Важнейшие из найденных форм вскоре же были опубликованы, с воспроизведением их оттисков, в специальном исследовании В. К. Мальмберга, давшего детальный формально-стилистический и сюжетный анализ находок и указавшего, между прочим, на тот любопытный факт, что данные формы, с помощью которых фабриковались керамические изделия, являются, в своем преобладающем большинстве, слепками с различных привозных оригиналов, в частности с металлических предметов, нередко высоко художественного достоинства.²

То, что обладало эстетической „обаятельностью“ и было связано с художественным творчеством „духа“ античности за-

¹ ОАК за 1882—88 гг., стр. ССXI—ССXII. Местоположение мастерской указано у Minns'a (Scythians and Greeks. Cambridge 1913), на плане VII отмечено буквой Z.

² Исследование о формах В. К. Мальмберга в VII вып. Материалов по археологии России (Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 гг., СПб, 1892).

служивало внимания ученого классика, но зато по поводу такой „прозаической“ вещи, как керамическая печь, считалось возможным ограничиться имеющимся в отчете ничего по существу не говорящим указанием на прекрасную ее сохранность.

После тщательных розысков нам удалось обнаружить подлинник полного отчета раскопок Херсонеса за 1888 г., составленный руководителем этих раскопок К. К. Косцюшко-Волюжиничем.¹ В соответствующем месте отчета имеется указание, что при расследовании керамической мастерской в одном из помещений оказалось „иссеченное в скале круглое мелкое углубление — быть может, остаток печи, так как прилегающая стенка сохранила следы копоти“. Этого оказалось для составителей Отчета Археологической комиссии уже вполне достаточно, чтобы сообщить об открытии „отлично сохранившейся гончарной печи“. Подобные курьезы были возможны только потому, что памятникам техники древнего материального производства не придавалось серьезного научного значения.

Раскопками в Херсонесе 1900 г. были обнаружены остатки другого значительно более крупного керамического предприятия также эллинистического времени, расположенного за пределами города, возле наружной стороны оборонительных стен, вблизи башни Зенона.² Производство здесь обслуживалось несколькими обжигательными печами, от которых, к сожалению, сохранились лишь весьма незначительные следы, не дающие возможности судить об устройстве печей, но позволяющие в совокупности со всеми остальными данными, выявленными раскопками, восстановить довольно полную и интересную картину целого производственного комплекса.

Наиболее отчетливо выявились следы большой обжигательной печи с прямоугольным планом основания, вырубленным в скале (длина 5 м, ширина 3,02 м). Печь была построена из больших неправильной формы сырцовых кирпичей и предназначалась, несомненно, для обжига амфор. В отчете о раскопках 1900 г. указывается, что между обломками кирпичей большой печи „оказалось 28 раздавленных амфор, ручки которых носили именные печати одного и того же астинома Истрона, сына Аполлониды“.

Рядом с этой печью обнаружено вырубленное в скале прямоугольной формы вместилище — „бассейн“ дл. 3,90 м, шир. 3,02 м и глуб. 1,94 м, служивший, по мнению К. К. Косцюшко-Волюжинича, для приготовления глины. С таким предположением можно вполне согласиться, тем более, что в непосредственной близости от указанного „бассейна“ оказались два колодца, один

¹ В архиве Херсонесского музея нет отчета о раскопках Херсонеса в 1888 г., он оказался в архиве ГАИМК в деле № 22 за 1887 год.

² ИАК, в. 2, табл. 1 (план раскопок 1900 г.); см. там же „Извлечение из отчета К. К. Косцюшко-Волюжинича о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1900 г.“, стр. 17—26 и 38—39.

из которых, в виду непригодности, был превращен впоследствии в мусорную яму, заполненную отходами производства, другой же служил для сбора дождевой воды, поступавшей в него по водосточным каналам.

К. К. Косцюшко-Волюжинич по поводу результатов произведенных им раскопок писал в своем отчете следующее: „Находя во время раскопок прежних лет множество черепков глиняной посуды, покрытой лаком, часто и расписной посуды, несомненно, привозной, я, в силу установившегося мнения, что Херсонес не имел собственного гончарного производства, относил к привозной посуде и те многочисленные черепки без росписи, покрытые коричневым, бурым и графитового цвета лаком, которые составляют значительное большинство всех находимых обломков. Результаты раскопок отчетного года выяснили неосновательность такого мнения. На расследованном участке обнаружены печи для обжигания глиняной посуды и терракот, ямы для приготовления глины, колодцы, бассейны и каналы для сбора и хранения воды; тут же найдены формы для терракотовых фигур и орнамента, раздавленные амфоры с именами местных астиномов на ручках и, наконец, внутри колодца „л“, обращенного в сорную яму, огромное количество той буролаковой и графитового блеска посуды, которую ошибочно считали привозной. Но этого мало: в том же колодце найден один из тех штампов, которыми выдавливались на дне тарелок и блюдец розетки, причем этот штампик вполне совпадает с розетками, сохранившимися на дне тарелок и некоторых блюдец. Последнее обстоятельство окончательно убеждает нас в том, что и лаковая посуда клеймилась и обжигалась здесь же за городской стеной, и что при этом как относительно форм, так и относительно техники, мастера подражали образцам более ценной привозной посуды“.

Итак, в результате раскопок 1900 г. удалось выяснить, как мы видим, ряд весьма существенных вопросов относительно местного керамического производства в Херсонесе. Значение этой отрасли промышленности оказалось гораздо большим, чем предполагали раньше. Был с несомненностью установлен факт наличия значительного производства в Херсонесе так называемой чернолаковой керамической посуды, которую до того было принято считать всю привозной извне. Кроме того, были получены чрезвычайно ценные данные о местном производстве амфор с клеймами херсонесских астиномов. Обнаружение обжигательной печи с тремя десятками раздавленных амфор, на ручках которых оказались оттиски клейма „Ἰστρωνός τοῦ Ἀπολλωνίδα ἀστυνομοῦτος“, окончательно и бесповоротно установили существование в Херсонесе массового производства коммерческой тары в виде типичных для античности глиняных амфор с характерными астиномными клеймами, которые только по косвенным признакам считались раньше херсонесскими. Фабрикацию этих амфор необходимо поставить в прямую связь с той обширной торговлей

вином, которую вел Херсонес.¹ Пользуясь тем, что удалось обнаружить в фондах Херсонесского музея одно из горл тех амфор, которые были найдены в 1900 г. в обжигательной печи, здесь мы приводим его изображение² (рис. 1). К сожалению, относительно полной формы сосуда можно только предполагать, так как точное восстановление невозможно по той причине, что, кроме ручек с клеймами, остальные фрагменты амфор, обнаруженных в печи, собраны и сохранены, повидимому, не были.

Надо сказать, что общие итоги раскопок довольно обстоятельно изложены в вышецитированном нами отчете К. Косцюшки, но вещеведение, господствовавшее в археологии, с исключительным притом упором на поиски экстраординарных предметов, главным образом, античного искусства, сказалось и тут в полном пренебрежении к массовому, внешне подчас и весьма невзрачному материалу, но представляющему большую ценность в плане изучения „повседневной будничной жизни народов, их труда, их материального быта, основы духовной культуры и всей исторической жизни“. Так, ввиду отсутствия в то время регистрации раскопчного материала, теперь почти невозможно среди колоссального количества „беспаспортных“ керамических находок, хранящихся в Херсонесском музее, установить совершенно уверенно, какие образцы местной „чернолаковой“ посуды были обнаружены возле печи, в заброшенном колодце, который оказался, как упомянуто, обильно наполненным отходами производства. Между тем этот материал мог бы, при соответствующем его исследовании, дать ценные выводы для выяснения вопроса о способе приготовления местного „лака“ и т. д.

Неизвестно, где затерялись штампики, служившие для орнаментальной отделки изделий.³ Не сохранились и образцы кир-

¹ Не только в Херсонесе, но и в окрестностях его в античное время существовали керамические мастерские, располагавшиеся, видимо, преимущественно вблизи источников сырья, возле глиниц. Продукция этих мастерских была в основном связана с обслуживанием местного хозяйства и, в первую очередь, винодельческого промысла глиняной тарой. На основании соответствующих наблюдений, сделанных во время строительных работ на северной стороне Севастополя, есть основания предполагать существование там производства клейменных амфор. Возможно, что оттуда, пользуясь удобным водным сообщением, доставляли глину для мастерских, находившихся непосредственно в Херсонесе (Махов, Амфорные ручки Херсонеса Таврического с именами астиномов. ИТУАК, № 48, Симферополь, 1912, стр. 154). Остатки обжигательных печей и следы древних разработок глиниц замечены также у устья реки Бельбек. По мнению Н. Печенкина, „устье Бельбека играло значительную роль в поставке Херсонесу глиняной посуды, так называемого местного производства, или по крайней мере материала для ее изготовления“ (Печенкин, Раскопки в окрестностях г. Севастополя. ИТУАК № 38). В плане специальной разработки вопроса о местной керамической промышленности Херсонеса все эти указания должны быть непременно учтены.

² Внутренний диаметр горла на уровне венчика 0,085, высота ручек 0,13, ширина 0,04, толщина 0,02. Глина красного цвета с мелкими черными крупинками. У основания ручек снаружи имеются углубления, сделанные, вероятно, пальцами.

³ Описание штампики см. в ИАК, вып. 2, стр. 20.

личей, из которых были построены обжигательные печи, о чем приходится тоже очень пожалеть.

Как можно предполагать, следы еще одной керамической мастерской, относящейся к античной эпохе, открыты были в 1911 г. Р. Х. Лепером в так называемом III квартале северо-восточной части городища. В виду того, что производившиеся Лепером раскопки зафиксированы только в черновых записях дневника, весьма к тому же поверхностно-суммарных, рассчитанных на дальнейшую обработку, которая Лепером выполнена не была, судить об открытых им в „XI помещении“ остатках печи очень трудно. Все же с некоторой долей вероятности можно думать, что обнаруженная печь служила в эллинистическое время для обжига посуды. В дневнике от 2 ноября 1911 г. записано: „Помещение XI. Закончено до скалы помещение в яме, где круглая печь, поскольку свободно под плитной вымосткой. Внутри круглой печки (стена ее в одном месте выломана при начале раскопок, не будучи замечена) — 6-гранное помещение, обставленное плитами на ребро, внутри его — твердоутрамбованный пол. Снаружи плиток оставлена земля, пола нет. Внутри печи несколько слоев. В слое сажи и угля... много жужелицы¹ и чернолаковых черепков“ (далее идет перечисление отдельных находок).² Еще раньше, 29 октября, в дневнике указано, что при раскопке ямы, „что с печкой“, во время расследования окружения печи обнаружен слой с множеством черепков, при этом встречено много фрагментов чернолаковых сосудов.³ Не была ли это печь для обжига местной чернолаковой керамики? Что касается самой печи, то об ее устройстве, на основании дневника Лепера, сказать можно очень немного. Специальных зарисовок и обмеров сделано, повидимому, не было. Диаметр печи, судя по общему плану раскопанной части городища, около 1½ м. Интересно отметить внутреннюю шестигранную форму печи и применение для облицовки стен (очевидно, внутри топки) каменных плит, хотя применение кирпича установлено наличием „жужелицы“. Печь сохранилась плохо, но и расследована она была к тому же варварски небрежно: руководитель раскопок не счел возможным разобрать (конечно, после соответствующей исчерпывающей ее фиксации и изучения) более поздней вымостки, лежавшей на засыпи, скрывавшей остатки печи, и вел исследование ее в узкой яме „поскольку свободно под плитной вымосткой“.

На этом заканчивается перечень открытий реальных остатков техники керамического производства античного Херсонеса. Конечно, ими не исчерпывается керамическая промышленность Херсонеса, существовавшая на всем протяжении античной эпохи. Думается, между прочим, что немало ценных данных еще может

¹ „Жужелица“ — перегорелый кирпич.

² Херсонесский сборник, вып. III, стр. 86.

³ Там же, стр. 85.

быть вскрыто будущими раскопками. Что же касается уже обнаруженных конкретных остатков керамической техники, то, оценивая связанное с этим наследие прошлых археологических изысканий, производившихся в Херсонесе, неизбежно приходишь к выводу, что орудия техники, вещественные остатки материального производства не считались достойными серьезного внимания историческими документами. Отсюда и вытекали такие факты, как поверхностное исследование комплекса остатков производства, обнаруженного в 1900 г. и исключительные по небрежности раскопки печи, может быть, керамической, найденной в 1911 г.

Возможностей обнаружения производственно - технических остатков местной керамической индустрии в Пантикапее — столичном центре Боспорского царства — было неизмеримо меньше, чем в Херсонесе, по той причине, что это городище никогда не подвергалось систематическим раскопкам. Археологическое изучение Боспора велось почти исключительно в виде отыскивания и добывания сокровищ, скрытых в могилах и курганах, они нужны были для обогащения Эрмитажа. Проблема же изучения остатков поселений не считалась достаточно научно-важной и привлекательной, вследствие чего даже на территории Пантикапея имели место лишь бессистемно-случайные разыскания („главной целью было найти новые надписи, статуи, фрагменты посуды“),¹ которые вследствие убожества методологических установок и примитивности раскопчной техники, не могли, конечно,

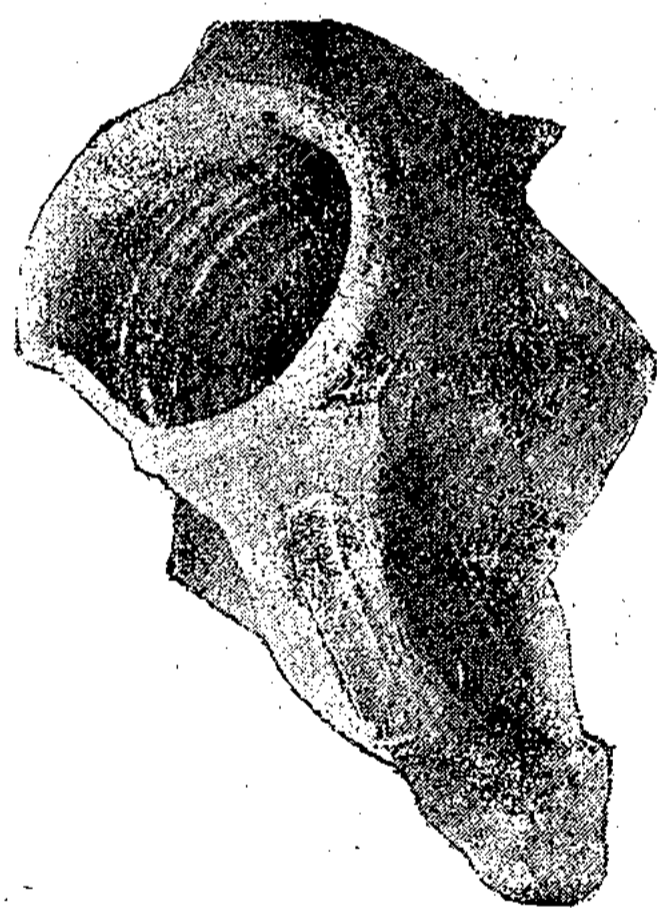
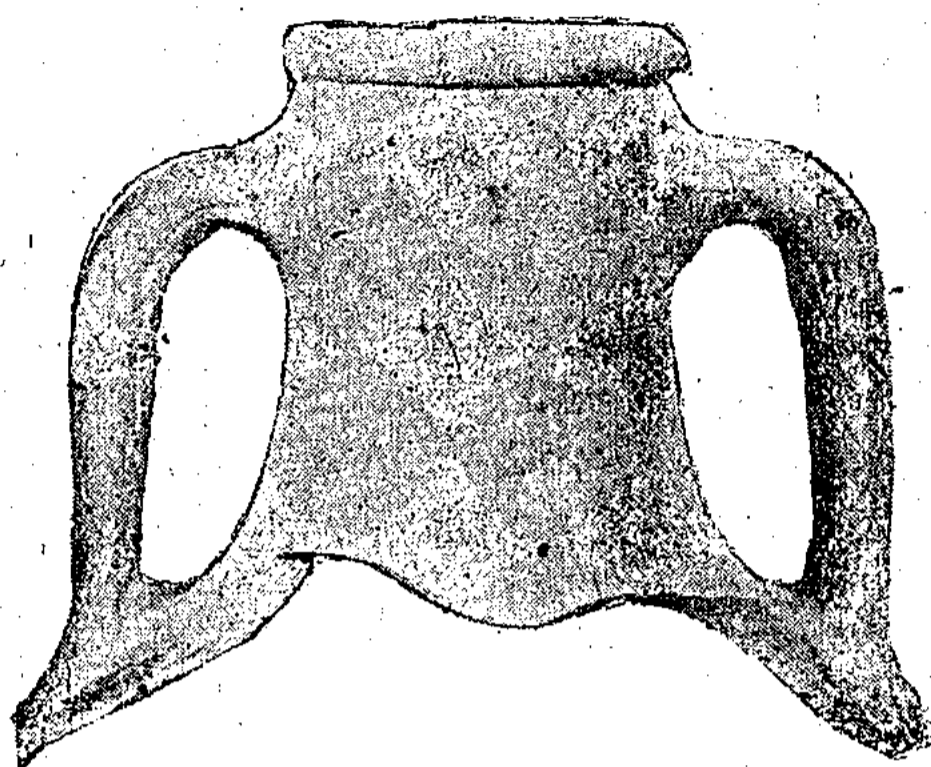

Рис. 1. Горло амфоры с клеймом астинома, найдено в обжигат. печи, открытой в Херсоне в 1900 г.

¹ Ю. Ю. Марти, Проблема раскопок древнего Пантикапея, Труды секции археологии Института археологии и искусствоведения, т. IV (посв. В. А. Городцову). Москва, 1929, стр. 310. Ср. обзор раскопок греческих поселений северного Причерноморья у Rostowzew'a „Skythien und Bosporus“. Берлин, 1931, стр. 129.

пролить почти никакого света для выяснения производственного, социально-хозяйственного быта города и выявления остатков существовавшей здесь, без сомнения, местной индустрии, в том числе керамической.

Попытка наладить планомерные археологические изыскания на территории Пантикапейского городища были предприняты К. Е. Думбергом во второй половине 90-х годов на северном склоне Митридата, но после его ухода начатые им раскопки городища больше не производились. Во время указанных раскопок, в 1898 г., согласно показаниям отчета, были будто бы обнаружены неподалеку от римских терм остатки „черепичного завода“, от которого сохранились боковые стены большой печи. Здесь — по словам того же отчета — нашлось значительное количество полуобожженных черепиц и грузил, отчасти со штемпелями. Завод был брошен в полном действии, быть может, при внезапном вторжении неприятеля.¹ Упомянутая в отчете „печь“ была нанесена на общий план раскопок, который неоднократно с тех пор воспроизводился в различных исследованиях с непременно фигурирующим на нем изображением плана этой „печи“. Однако, ни в опубликованном отчете о раскопках 1898 г., ни в его рукописном оригинале, хранящемся в архивах ГАИМК (дубликат в Керченском музее), нет описания найденных черепиц и грузил с клеймами, о которых отчет повествует как о фабрикатах „черепичного завода“, нет никакого исследования или хотя бы описания самой печи, отсутствует даже указание, на основании каких соображений, по каким конструктивным признакам данное сооружение было признано керамической обжигательной печью. Наличие недостаточно обожженных черепиц едва ли может служить решающим доказательством. К счастью, эта „печь“ оказалась довольно прочной постройкой, она вполне удовлетворительно сохранилась до настоящего времени. Представляя собою руины постройки, состоящей из трех бутовых стен, образующих в плане букву П, строение это не дает никаких оснований определять его в качестве керамического обжигательного горна. Интересно, между прочим, что внутренние стороны стен данного сооруже-

¹ Архив ГАИМК, Дело № 30 1898 г. В ОАК за 1898 г. на стр. 14 указано, что при очистке остатков черепичного „завода“ — „извлекли множество полуобожженных черепиц и грузил, некоторые из них оказались с клеймами, так что эта находка поможет без сомнения разъяснить вопрос о происхождении штемпелей, встречающихся на амфорных ручках, черепицах и грузилах“. Последнее замечание является „отсебятиной“ редакции ОАК, к тому же весьма безответственной, так как в действительности эта „находка“ решительно ничего не разъясняет в вопросе о клейменной керамике.

² В ОАК за 1898 г. на стр. 13 (№ XI). Этот план в виде точной копии переиздан у Minns'a на стр. 565, причем объект „XI“ пояснен следующим образом: „kiln with half-baked tiles and net-weight“. Кроме того, этот же план воспроизведен в „Античной декоративной живописи на юге России“ Ростовцева, стр. 114. и в Путеводителе по Керченским древностям Ю. Ю. Марти, изд. 1926 г. (рис. 8, № 1), где то же сооружение названо „развалинами гончарной мастерской“.

ния не имеют никаких следов обжига, соприкосновения с огнем, что было бы совершенно немыслимо, если бы оно являлось когда-нибудь действительно обжигательной печью. Суммируя наблюдения, приходится со всей категоричностью отклонить толкование данной постройки в качестве керамического обжигательного горна. Стремясь доказать Археологической комиссии целесообразность ассигнования средств не только на расследование керченских некрополей, но и на раскопки Пантикапейского городища, К. Е. Думберг склонен был видимо давать не совсем обоснованные определения открытых им остатков древнего города, стараясь при этом повысить их, так сказать, историческую ценность, значимость. Но „императорскую“ Археологическую комиссию не интересовали древние обжигательные печи. Отчетное сообщение Думберга никого не заинтересовало, никем оно проверено не было. Так и осталась красоваться на планах раскопок городища Пантикапея мнимая обжигательная „печь“.

Показательно, что В. В. Шкорпил, руководивший археологическими исследованиями в Керчи после К. Думберга, касаясь в своих работах вопроса о производстве боспорских черепиц, никогда не ссылаясь на вышеуказанное „открытие“ остатков „черепичного завода“, считая это, повидимому, тоже бездоказательным домыслом, незаслуживающим внимания.

Зато в сравнительно недавно появившейся статье Е. М. Придика имеется указание на то, что, будто бы, „в Пантикапее (Керчь) во время раскопочной кампании 1897—1898 гг. была обнаружена гончарная мастерская с обжигательной печью, в которой находились амфоры“. Пресловутая думберговская „печь“ претерпела здесь курьезную метаморфозу, оказавшись наполненной амфорами. Нетрудно догадаться, что тут по ошибке приписано Керченским раскопкам 1897/98 гг. открытие печи для обжига амфор, имевшее место в Херсонесе в 1900 г., о котором, кстати сказать, автор ни слова не упоминает.¹

В 1899 г. раскопки городища на северном склоне Митридата были продолжены. В отчете об этих работах говорится, что „в юго-западном углу раскопа была открыта построенная на насыпи небольшая гончарная печь конусообразной формы, обложенная внутри „саманом“, т. е. не совсем обожженным кирпичом“ (sic!).²

К настоящему времени от этой печи ничего не сохранилось в том месте, где, судя по плану раскопок, она была обнаружена. Тех указаний, которые имеются в приведенной выдержке —

¹ E. Pridik, Die Astynomennamen auf Amphoren und Ziegelstempeln aus Südrussland, Sonderabdruck aus den Sitzungsberichten der Preuss. Akademie der Wissenschaften, XXIV, 1928, стр. 4.

² Архив ГАИМК. Дело № 18, 1899 г. (Отчет об археологических разысканиях, произведенных Керченским музеем древностей в 1899 г.) Ср. ОАК за 1899 г. стр. 23.

к тому же без всяких воспроизводящих памятник чертежей или рисунков, — абсолютно недостаточно, чтобы иметь хоть какое-нибудь суждение о том, что собою представляла печь, для каких целей она была предназначена и т. д.

Подлежащий рассмотрению в настоящей статье открытый в 1929 г. в Керчи комплекс остатков керамического производства древнего Пантикапея, главным и наиболее значительным объектом которого является керамическая обжигательная печь, обнаружен был не в процессе плановых раскопок, а благодаря следующим случайным обстоятельствам. Дело в том, что в течение ряда последних лет в Керчи велись работы по переустройству и расширению городского водопровода, в связи с чем летом 1928 г. на хребте Митридатовой горы за так называемым Вторым Креслом Митридата был построен водонапорный резервуар, откуда вода должна распределяться по новым магистралям, к прокладке которых приступили весной 1929 г. Для укладки водопроводных труб предварительно копалась траншея (шириною 0,70 м), прорезавшая северный склон Митридата, начиная от вышеупомянутого резервуара до Эспланадной улицы, по которой она достигала так называемого Старого кладбища, направляясь затем вниз по Правой кладбищенской улице. Земляные работы сопровождались различными случайными археологическими находками; иногда, поскольку траншея проходила через территорию древнего некрополя, обнаруживались древние погребения,¹ подвергавшиеся затем расследованию силами Керченского археологического музея, который вел постоянный надзор за вышеуказанными коммунальными работами, хотя это и представлялось подчас делом нелегким в силу того, что работы велись одновременно на большом протяжении, в разных местах.

Тщательное обследование указанной траншеи дало возможность сделать ряд немаловажных наблюдений в отношении Пантикапейского городища. Оказалось, что траншея, проходившая по Эспланадной улице, имея здесь в среднем глубину около 1,00 м, обнажила в нескольких местах остатки древних бутовых стен, перпендикулярно (т. е. в направлении с севера на юг) пересекающих траншею и являющихся остатками каких-то по всей видимости бедных жилищ, относящихся, судя по керамическим находкам, к поздне-римскому времени.

Против дома № 3 по той же улице в траншее было отмечено большое скопление разбитых простых амфор очень крупного размера: извлеченные при разведочной подчистке обреза траншеи амфорные горла имели в диаметре около 13 см. Вся эта масса керамики сопровождалась кусками обуглившегося дерева, вероятно от сгоревших в пожаре деревянных частей постройки. При дальнейшем осмотре траншеи привлекло к себе внимание место возле

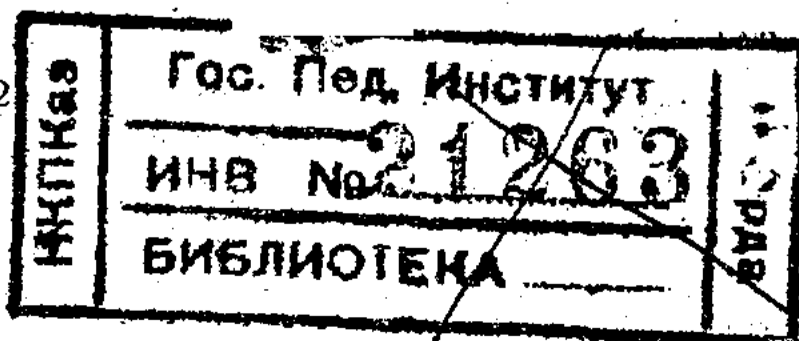
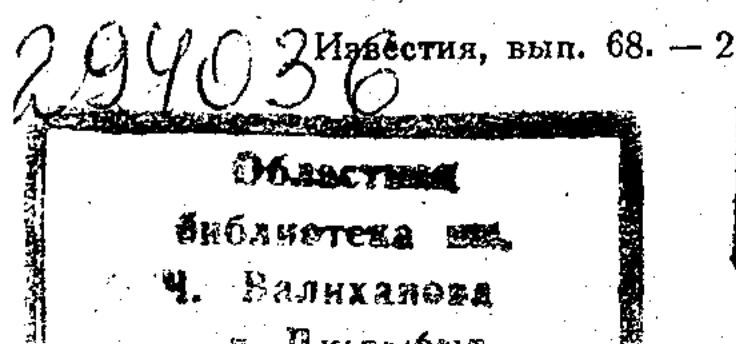
¹ Ю. Ю. Марти, Раскопки керченской экспедиции 1928 года, в журнале „Крым“ № 1 (9), стр. 11.

юго-западного угла Старого кладбища, поблизости от вышеотмеченного пункта траншеи на Эспланадной улице. Здесь оказались выброшенными на поверхность насыпи при рытье траншеи сильно обожженные саманные кирпичи, а внутри траншеи была отчетливо видна частично разрушенная земляными работами кладка из такого же материала. Все внешние признаки показывали, что функции данного сооружения были связаны с сильным действием огня, некоторые куски кирпичей оказались ошлаковавшимися. Это наводило на мысль, что здесь обнаружена печь производственного назначения. В целях полного ее выявления и детального изучения Керченским археологическим музеем были предприняты специальные раскопки, подтвердившие предварительно выдвинутое предположение — они увенчались открытием большой печи, служившей в древности для обжигания керамических изделий. Хотя раскопки в данном месте не вытекали из ориентировочного плана археологических исследований, намеченных на ближайшее время, однако открытие столь ценного памятника древней техники выдвигало необходимость дальнейшего изучения этого района в целях выявления по возможности исчерпывающей картины всего комплекса существовавшего тут в древности керамического производства. Поэтому после окончания непосредственного расследования печи были в первую очередь произведены раскопки на Эспланадной улице, где обнаруженный, как отмечалось, многочисленный керамический материал (обломки амфор) заставлял предполагать здесь часть комплекса того производственного предприятия, в техническое оборудование которого входила открытая печь. Территориальная близость обоих пунктов и целый ряд других соображений делали эту гипотезу не лишеной основания.

Однако, прежде всего, необходимо дать краткую топографическую характеристику местности, где обнаружена печь, а также суммировать результаты предыдущих археологических открытий, имевших место в этом районе. Как уже говорилось, керамическая печь была открыта возле юго-западного угла Старого городского кладбища, давно закрытого, заброшенного и представляющего в настоящее время обширный бугристый пустырь на северном склоне Митридатовой горы, усеянный полуразрушенными надгробными памятниками. Кладбище, расположенное между так называемым Первым и Вторым Креслами Митридата, занимает обширную площадь в 5,67 гектара.

В то время как северная покатость горы Митридата, вопреки существовавшему запрету, стихийно застраивалась и заселялась в процессе роста современного города, особенно интенсивно в начале нынешнего столетия,¹ Старое кладбище являлось

¹ Стихийное заселение района к сев.-зап. от Старого кладбища нашло образное отображение в установившемся в просторечии названии этой части города „Нахаловкой“.

В этом отношении местом неприкосновенным и представляет в виду этого несомненно большую ценность для будущих археологических раскопок Пантикапея как незастроенная площадь, где под верхними слоями насыпи, использованными для захоронений, очевидно сохранились остатки древнего города и притом, вероятно, в значительной сохранности. В виду этого следовало бы непременно уберечь этот уголок от застройки до тщательного его исследования путем раскопок.

В отчете Археологической комиссии за 1879 г. (стр. VI) отмечалось, что „внутри ограды на самом кладбище нередко на-

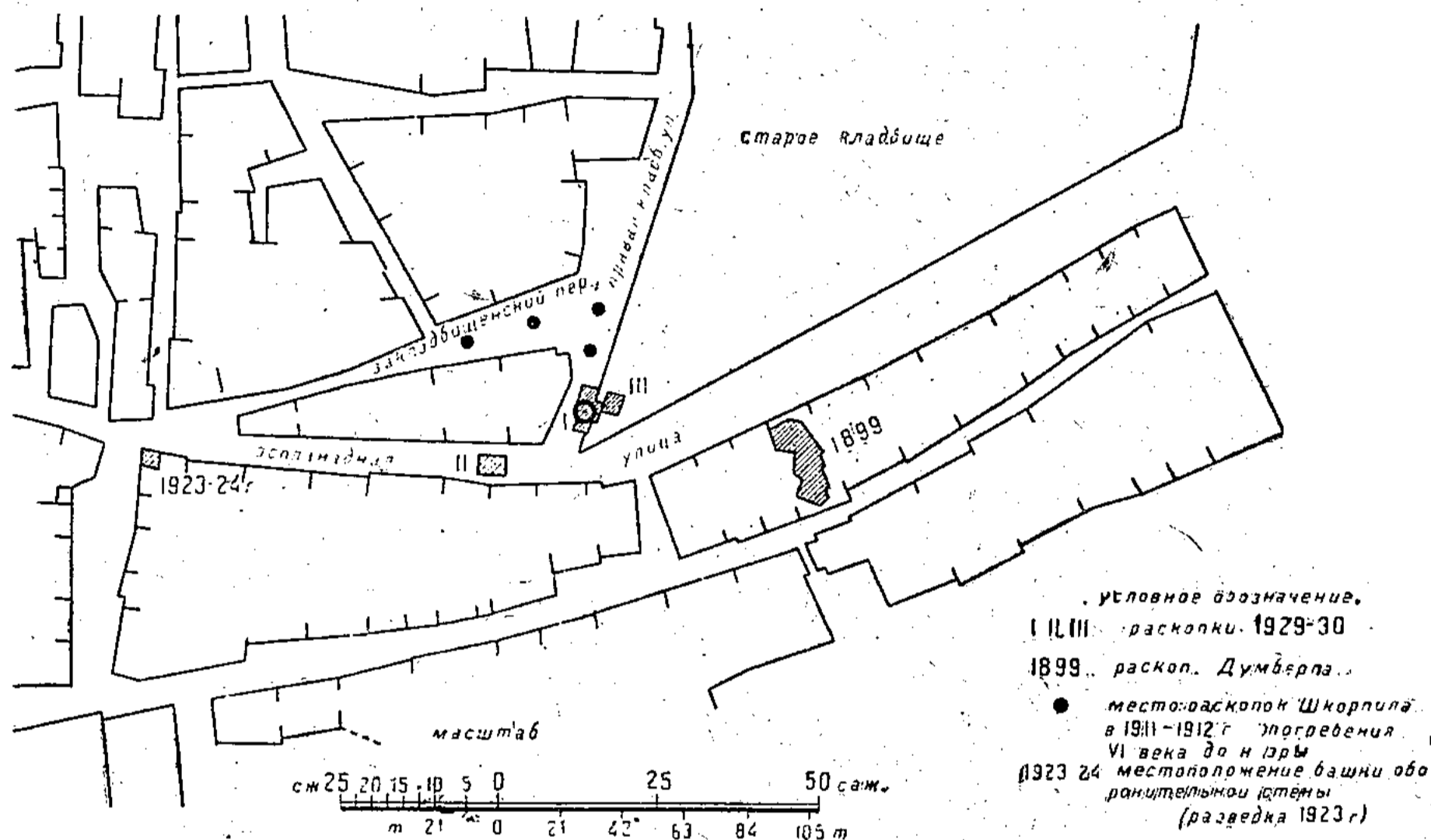

Рис. 2. План района Старого кладбища на сев. склоне горы Митридата в Керчи с обозначением мест раскопок.

ходят плиты с надписями, фрагменты мраморных статуй и разные сосуды“.

Смежный с кладбищем район Митридата, непосредственно за южной его оградой и с западной стороны, вблизи юго-западного угла, где обнаружена печь, подвергался неоднократно эпизодически-случайным раскопкам разведочного характера. В 1899 г. производилась небольшая раскопка в пункте, отмеченном на плане (рис. 2) цифрой „1899“. Здесь были открыты фундаменты городских строений и при этом в южной части раскопа был обнаружен на уровне материка „жженный точек“ и погребение в виде неглубокой ямы, в которой стояла чернофигурная амфора.¹ Вокруг этой могилы оказались разбросанными черепки двух сосудов,

¹ ОАК за 1899 г., стр. 26. Дубликат рукописного оригинала отчета находится в архиве Керченского музея („Раскоп с трубой“). В архиве ГАИМК дело 1899 г. № 18.

свидетельствующих о происходившей здесь тризне, являвшейся в древности одним из моментов погребального ритуала.

Этот факт открытия погребения, относящегося к рубежу VI—V в., следует поставить в связь с дальнейшими исследованиями данного района. Производившиеся в 1911 г. В. В. Шкорпилом раскопки возле западной стены кладбища и в 3-м Кладбищенском переулке обнаружили уже целый ряд погребений VI в. до хр. эры, на основании чего В. В. Шкорпил смог сделать вывод, что открытый здесь некрополь „составлял одно из первых мест погребений древних пантикапейцев“.¹ В следующем 1912 г. раскопки эти были продолжены, и они подтвердили указанный вывод.² На рис. 2, изображающем план района Старого кладбища, места раскопок В. В. Шкорпила в 1911—1912 гг. отмечены черными кружками.

М. Ростовцев, очевидно имея в виду результат этих раскопок, сделал однако не совсем правильное заключение, что „под православным кладбищем... точно установлено присутствие древнейшего некрополя Пантикапея“.³ Весьма возможно, что архаический некрополь, обнаруженный В. В. Шкорпиллом с западной стороны Старого кладбища, и на южную окраинную часть которого видимо натолкнулся К. Е. Думберг в 1899 г., в какой-то мере простирается и далее к востоку, под кладбищем, тем не менее до сих пор неизвестно ни одного случая обнаружения там архаических погребений. В общем ни размеры площади, занимаемой этим древнейшим некрополем Пантикапея, ни степень распространения его в сторону кладбища еще не определены. Ясно только одно, что пространство этого древнего могильника было впоследствии заселено, т. е. стало городской территорией.

Хотя в отчетах В. В. Шкорпила по поводу исследования древнейшего некрополя, производившегося в 1911 и 1912 гг., нет указаний на наличие в насыпи, залегающей над погребениями,⁴ остатков каких-либо городских строений, но зато небольшие разведки, производившиеся Ю. Ю. Марти в 1923 г. в этом же районе с западной стороны кладбища, против 3-го Кладбищенского переуллка, с целью продолжить разыскания некрополя, констатировали несомненные признаки городища — было обнаружено несколько „ям — зернохранилищ“, а кроме того тут же натолкнулись на фундамент стены из бутового камня шириной 12 вершков, высотой 3 аршина, направлением с севера на юг.⁵

Для решения вопроса о времени заселения этой территории ценный материал дал раскоп III, произведенный осенью 1929 г. рядом с керамической печью, с северо-восточной ее стороны

¹ ИАК, в. 56, стр. 1 сл.

² ИАК, вып. 60, стр. 7 сл.

³ М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 184.

⁴ Погребения находились на глубине от 3 м до 4,41 м.

⁵ По рукописному дневнику, хранящемуся в архиве Керченского археологического музея.

с захватом уже площади Старого кладбища. Здесь отлично сохранилась слоевая структура нижней части древней насыпи, залегающей под новыми захоронениями, причем в ней оказались ярко выраженными культурные отложения IV в., характеризующиеся чернолаковой керамикой с орнаментацией. Внутренних поверхностей дна сосудов различными комбинациями пальмет, исполненных штампом по сырой глине, фрагментами краснофигурных ваз и обломками простых амфор, типичных для раннеэллинистической эпохи.

На основании всех имеющихся в нашем распоряжении, перечисленных выше данных является возможным представить себе следующую картину. Местность, где обнаружена в 1929 г. керамическая печь, т. е. — по номенклатуре современного города — юго-западный район Старого кладбища, в ранний период существования Пантикапея, как колониального греческого поселения, во второй половине VI в.¹ служила для его жителей некрополем. Затем в течение первой половины ближайшего столетия вся территория, повидимому, еще не была заселена, город в это время занимал, вероятно, сравнительно ограниченную площадь и концентрировался главным образом в припортовой части.²

Однако, в связи с экономическим расцветом Боспора в IV в., сопровождавшимся, несомненно, большим увеличением численности населения его столицы, а одновременно и территориальным ее ростом, площадь древнейшего некрополя была заселена. Где установилась к этому времени западная граница города и как она была защищена — сказать сейчас с уверенностью еще нельзя, возможно, что она совпадала приблизительно с линией современной Правой кладбищенской улицы, где в древности, кажется, проходила довольно значительная лощина. Однако, для окончательного решения этих вопросов топографии необходимо было бы здесь произвести специальные и притом со значительным территориальным охватом раскопки.

Максимальные границы Пантикапея определились, по всей вероятности, только во II в. до н. э., когда, как можно предполагать, и была сооружена оборонительная стена, которую обнаружил В. В. Шкорпил в 1905 и 1908 гг.³ Из кладки этой городской стены, шир. 3 м, проходящей вниз по северному Митридадову склону от Второго Кресла Митридата по направлению к Госпитальной ул., были извлечены два надгробия, относящиеся к IV в. до н. э.⁴ В 1923 — 1924 г. Ю. Ю. Марти произвел

¹ Ср. С. А. Жебелев, Возникновение Боспорского государства. Изв. Акад. Наук СССР, 1930. Отд. гуманитар. наук, № 10, стр. 810.

² М. Ростовцев, ук. с., стр. 183.

³ О постройке новой части Пантикапея во II в. на южном склоне Митридата на месте ранее существовавшего кладбища см. в отчете о раскопках в Керчи за 1907 г. в ИАК, вып. 35, стр. 13.

⁴ ИАК, в. 27, стр. 45 (В. В. Шкорпил, Боспорские надписи, найденные в 1907 г.). ИАК, вып. 18, стр. 130 (В. В. Латышев, Эпиграфические новости из южной России).

рекогносцировочные обследования руин башни, относящейся бесспорно к той же стене (месторасположение башни отмечено на рис. 2 цифрой „1923 — 4“). Принимая все это во внимание, легко подметить, что район, где обнаружена керамическая печь, являлся окраиной древнего города. Такое расположение гончарных производств являлось, повидимому, явлением типичным. Вспомним, что керамическая мастерская, открытая в Херсонесе в 1888 г., расположена на окраине восточной части городища, то же самое мы видим и в отношении мастерской, обнаруженной возле башни Зенона, с той только разницей, что здесь производство было вынесено за черту городских стен. Фанагорийская печь, открытая в 1930 г., находится также на окраине городища.

Что касается того района древнего Пантикапея, где в 1929 г. была обнаружена керамическая печь, то необходимо напомнить, что уже в 1878 г. были основания предполагать связь этой части городища с местным керамическим производством.

В отчете Археологической комиссии за 1878 г. писалось следующее: „Две разведки у юго-западного угла городского кладбища произведены по поводу сделанного надсмотрщиком Музея дознания, что мальчики, роясь в земле со стороны неогороженного дворового места унтер-офицера Емельяненко, находят там фрагменты статуэток, разных плоских фигур, черепки посуды, и сбывают их евреям-промышленникам. В произведенных здесь раскопках оказалась масса черепков и фрагментов от разбитых статуэток и плоских рельефных оттисков глиняных фигур, притом повторяющихся в нескольких экземплярах, так как более уцелевшие были уже прежде извлечены мальчиками и оказались потом в руках торговцев, промышленяющих древними находками, а некоторые из них покупкою для Музея, тем не менее большая часть фрагментов представляет дополнение к купленным фигурам в тех частях, где последние попорчены, а все в совокупности дают основание заключить, что в эллинской Пантикапее производилась фабрикация статуэток и рельефных изображений из глины и на местности двух описанных раскопок находилась или мастерская для изготовления этих фигур или же лавка для продажи их“.¹

Разведки 1878 г., вызванные находкой терракот, производились, как есть основание предполагать, очень близко от керамической печи, открытой в 1929 г. При обследовании топочного устья и прилегающего к нему пространства — в так наз. дополнительном квадрате „а“ — было замечено, что северо-западная часть раскапываемого участка совпала с местом ранее производившихся тут раскопок. Перекопанная земля содержала на значительной глубине мусор, относящийся к весьма недавнему времени (куски фарфоровой посуды и т. п.), причем заслуживает

¹ Цитируем по рукописному оригиналу отчета, хранящемуся в архиве Керченского музея. Ср. Н. Кондаков и И. Толстой, Русские древности, I, стр. 94.

быть отмеченной такая деталь; как находка серебряной монеты 1874 г. Не подлежит сомнению, что именно здесь в семидесятых годах велись вышеуказанные разведки. Но связывать найденные тогда терракоты с обнаруженной через 50 лет печью, при всей заманчивости такой увязки, нельзя потому, что данный тип печи не предполагает как раз такой мелкой художественной продукции, а кроме того, забегая несколько вперед, укажем, что датировка печи и терракот сильно расходятся. Следовательно, находка терракот может только свидетельствовать, что данный район, вероятно, в течение продолжительного времени являлся местом функционирования гончарных мастерских.

После всех этих предварительных соображений обратимся теперь к краткому описанию раскопочных работ, произведенных в целях исследования открытой в 1929 г. печи. Раскопка печи занимала первоначально площадь размерами 6×6 м, включая сюда траншею. Часть печи, отрезанная от основного корпуса этой траншеей, была вскрыта путем внутренней расчистки. К указанному раскопу были позднее (летом 1930 г.) добавлены, в целях исследования печи, еще два квадрата: с северной стороны квадрат „а“ — 5×5 м (исследование топочного устья и предтопочного устья за печью) и с южной — квадрат „б“ — 4×4 м (на рис. 2 место раскопок печи обозначено цифрой I). Кроме этих работ, определявшихся необходимостью исчерпывающего изучения устройства печи, были произведены некоторые дополнительные изыскания на ближайшей вокруг нее территории для выяснения по возможности всей картины производства, частью которого являлась данная печь. Этими соображениями были обусловлены уже ранее упоминавшиеся раскопки на Эспланадной улице — так наз. „раскоп № II“ (рис. 2, II), доставившие довольно прочные данные для решения вопроса относительно продукции, обжигавшейся в печи. О результатах этих раскопок нам придется еще в дальнейшем говорить подробнее. Наконец, в целях систематического обследования непосредственного окружения печи, осенью 1929 г. были предприняты раскопки с восточной ее стороны (квадрат 6×6 м) — так наз. „раскоп № III“, на территории кладбища. Здесь были получены материалы, интересные и важные в отношении общей стратиграфической характеристики данной части городища, хотя, к сожалению, верхние слои на глубину до 1,50 м оказались перекопанными новыми захоронениями.¹ Некоторые выводы, основанные на результатах этих раскопок, нами уже были использованы (стр. 20). Необходимо еще упомянуть открытую в этом III раскопе, на глубине 2,10 м, вымостку, покрытую слоем глины, являвшуюся, быть может, частью мощеного двора, прилегавшего к печи. Весьма желательно было бы в дальнейшем продолжить здесь раскопки с более широким территориальным захватом. Раскопки печи

¹ Глубина насыпи с культурными отложениями доходила там до 5 м.

в границах основного квадрата были проведены следующим образом. Сначала был снят верхний пласт почвы, достигавший в восточной части раскапываемой площади глубины 0,90 м и ввиду покатости насыпи сходящий на-нет к западу в сторону траншеи. При этом пришлось разобрать бутовый фундамент бывшей кладбищенской ограды, признаки которого на поверхности до раскопа не были даже заметны.

По мере дальнейшего углубления раскопа начал обрисовываться и выявляться кольцевой корпус печи (рис. 3). Заполнение

Рис. 3. Общий вид раскопа I: начало расследования керамич. обжигат. печи, открытой в 1929 году у юго-зап. угла Старого кладбища в Керчи; вид с северо-запада.

внутреннего помещения печи представляло довольно рыхлую массу наносной земли с огромным количеством обломков саманных кирпичей, попавших туда естественно в связи с разрушением печи. При извлечении этого кирпичного мусора было найдено некоторое количество фрагментов местной грубой („варварской“) керамики, глиняный светильник, несколько фрагментов стеклянных сосудов, обломки кровельных черепиц.

В южном секторе печи оказалась сохранившаяся часть внутренних перекрытий в виде кладки (V на рис. 4 и 5), выступающей (на выс. около 1,20 м от основания печи) от кольцевой стены